

03 Июня 2004 [Бадаева Евгения](#)

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: ЭТИ ПЕСНИ ЗАСТАВЛЯЮТ ПЛАКАТЬ

Удивительно, но факт: до Хворостовского никто из русских оперных певцов с сольной программой на Красной площади не выступал. То ли не решались, то ли организаторы подобных шоу (а такой концерт - обязательно шоу, и недешевое, хотя бы потому, что "декорации"

Бесспорно - лишь Хворостовский мог пробить эту броню. Он не только принадлежит к самым востребованным на мировой оперной сцене артистам. Мария Гулегина или, скажем, Ольга Гурякова востребованы, возможно, не меньше. Но именно Хворостовскому удается сочетать бескомпромиссную приверженность идеалам академического искусства и ту харизму, которая встречается только у самых популярных певцов, обеспечивая им преданную любовь миллионов. И нынешний концерт это доказал: Красная площадь была до отказа заполнена публикой. Слышался тихий звон орденов на груди у многих слушателей: усилиями спонсоров почти половина аудитории получила льготные билеты - это были ветераны Великой Отечественной.

А в почетном ряду на втором отделении вечера, как раз когда оперные арии и неаполитанские песни сменились ностальгическим советским военным репертуаром, появились высокие гости - президент России Владимир Путин и его коллега из Египта Хосни Мубарак...

Накануне концерта Дмитрий Хворостовский ответил на вопросы корреспондента "Труда".

- Дмитрий Александрович, откуда идея - сделать программу военных песен?

- По-моему, это совершенно естественная мысль. Если кто-то сегодня полагает, что эти песни устарели, он, безусловно, неправ. Они - неотъемлемая часть культуры. Их пела моя бабушка, пели мои родители. Ну а подсказал идею Константин Орбелян - руководитель Государственного камерного оркестра России, мой постоянный партнер на протяжении уже четырех лет. Правда, Костя вырос не в России - его родители после войны оказались в Америке, и родился он там, но в его семье эти песни постоянно звучали. Как только он поделился со мной замыслом, я взял листок бумаги и стал набрасывать список песен, которые

хотелось бы спеть. Тут же набралось штук 25. Костя сделал оригинальные аранжировки, и год назад мы решились вынести эту программу на суд москвичей. Государственный Кремлевский дворец огромный, лиц слушателей почти не видно. Но мне потом рассказывали, что люди плакали. Да я и сам плакал - на концерте и потом, когда писал программу в студии...

- Говорят, и на Западе вас с этим репертуаром принимали столь же тепло...

- В концертах я его там еще не пел. Вот если говорить о дисках - они в той же Америке разошлись тиражом больше ста тысяч. Конечно, я понимаю - покупают в основном наши эмигранты. Но в последнее время и коренные американцы подходят с этими пластинками, просят оставить автограф. А теперь уже и импресарио разных стран запрашивают именно "военную" программу. Например, 26 января выступлю с ней в парижском театре Шатле, потом снова отправлюсь в тур по США...

- Но ведь зарубежная публика не понимает текстов - а в этих прекрасных песнях и стихи замечательные...

- Во-первых, песня все-таки берет за душу прежде всего мелодией. А потом - на дисках есть подстрочный перевод на английский.

- Вы давно живете на Западе. А к какой вокальной традиции ощущаете принадлежность - к русской или уже к некоей общемировой?

- Есть и то и другое. Конечно, я русский певец. Но постоянно учусь у тех великих мастеров, с кем меня сталкивает жизнь на оперной сцене... Советская вокальная школа отличалась эффектной подачей голоса, да и сам природный голосовой материал у наших певцов необычайно богат. Но с точки зрения отделки фразы, отшлифованности мелодической линии мы никогда не могли соперничать с американцами, которые впитали весь мировой опыт, не говорю уж о таких старых школах, как итальянская, французская. Были, конечно, великие исключения - Архипова, Нестеренко, Атлантов... Зато современная русская школа завоевывает все более прочные позиции, возвращая себе ту славу, которая у нее была до революции, когда у лучших певцов не возникало проблем ни с мировым репертуаром, ни со стилем, ни с фразировкой, ни с языками - итальянским, французским, немецким... И как когда-то в Мариинском театре шло "Кольцо Нибелунга", так и сейчас Гергиев его ставит. И не стесняется вывезти "Золото Рейна" на гастроли в Германию, на родину Вагнера. С падением "железного занавеса" поток людей и информации забурлил, появилось множество ярких талантов, и это очень меня радует.

- Какими достижениями последних лет особенно гордитесь?

- Я больше думаю о том, что предстоит, чем о том, что уже позади... Пожалуй, хорош был недавний концерт в Нью-Йорке, в зале Карнеги-холл - с оркестром театра Метрополитен и его главным дирижером Джимми Ливайном. Я спел песни Малера и Равеля... А два месяца назад выступил в Лос-Анджелесе. В последний момент решил изменить программу и добавить к Чайковскому с Рахманиновым "тяжелую артиллерию" - арии из русских опер, из Верди. И совершенно не пожалел. Что творилось с залом, надо было видеть. Есть такое американское

выражение - шок-офф. Оно означает фурор или что-то в этом духе. Так вот, я произвел там небольшой шок-офф. Был в хорошей вокальной форме, несмотря на многочасовой перелет, после которого чувствовал себя немного "лунатиком"...

- Вы столько путешествуете - а где больше всего нравится?

- В Лондоне - я же там живу. Женева нравится - тоже часто там бываю, поскольку моя жена оттуда родом. Люблю Нью-Йорк, Париж, Москву, Петербург, Рим, Мехико, Рио-де-Жанейро...

- А Красноярск?

- Ну, конечно, это же родина.

- Ностальгия сильно одолевает? Тянет к маме поближе, к ее пирожкам?

- Безусловно, я скучаю по России. По маме, по русской речи. По березкам. На днях ехали по Подмосковию из аэропорта, и жена с улыбкой говорит: ну вот, березки увидел, сейчас заплачешь...

- Когда-то московская публика ломилась на ваш спектакль "Риголетто" театра "Новая опера" под руководством Евгения Колобова. Нет намерения вернуться к сотрудничеству?

- Есть. К сожалению, нет уже самого Евгения Владимировича, это очень горькая для меня утрата... Но не исключаю, что вновь выступлю и в "Новой опере", и даже в Большом театре, в спектаклях которого до сих пор не пел. Хотя все же более вероятно сотрудничество с Валерием Гергиевым. Мы с ним постоянно встречаемся. Вот недавно "пересеклись" в Японии, где я пел "Войну и мир", "Евгения Онегина".

- Нынче популярны дуэты, даже ансамбли с участием знаменитых певцов. Причем оперные звезды не видят ничего зазорного в том, чтобы выступить с поп- или рок-исполнителями: Кабалье пела с Меркьюри, Доминго - с Мадонной... Не планируете чего-либо подобного?

- А с кем бы вы мне посоветовали спеть?

- Ну... хоть с Элтоном Джоном. Вы, говорят, знакомы.

- Да, встретились, поговорили... И этим дело ограничилось. Нет, не могу сказать ничего плохого об Элтоне Джоне, который, кстати, оказался милым, тактичным, интеллигентным человеком - никогда бы не подумал, что он такой... Но я не очень хорошо ориентируюсь в современной рок-музыке. Да и вообще, видно, по натуре индивидуалист: если уж даю концерт, то предпочитаю быть на сцене один.

- Одной из "постоянных величин" в вашем творчестве традиционно была музыка Свиридова. Сохраняете ли интерес к ней? И как относитесь к ажиотажу, вызванному публикацией дневников Георгия Васильевича, где он нелицеприятно высказывается о многих коллегам, в том числе о популярных советских композиторах Блантере, Дунаевском...

- Свиридова я постоянно пою. Только что вышел диск с записью его цикла "Петербург" на стихи Блока, знаменитых пушкинских романсов. Что же касается книги дневников, то я, честно говоря, испытал шок, прочтя ее. Сама идея издания этих записей без предварительного отбора представляется мне спорной. Ведь это - сокровенные мысли. Уверен, что Георгий Васильевич записывал их не для

печати, а "в стол" - может быть, именно для того, чтобы "выпустить пар" и не сорваться на людях. Я понимаю, книга вызвала сенсационный интерес к личности Свиридова, мгновенно разлетелась, попав в том числе в руки людей, далеких от музыки. Но в жизни Георгий Васильевич был совершенно другим. Я немало общался с ним в неформальной обстановке. Это был мудрец, добрый и справедливый к людям, к своим коллегам.

- Ваш сынишка, с которым вы приехали в Москву, проявляет музыкальные склонности?

- Ну, для серьезной музыки Максим еще очень мал. Если хотите услышать хорошее пение, то обращайтесь к его маме - моя жена профессиональная певица... Но голос у него ого-го! Так что - посмотрим.

- Ходят слухи, что вы недолго любите прессу и оттого скупы на интервью...

- Нет, прессу я уважаю. Интересно же, что пишет о тебе квалифицированная критика. А интервью я действительно почти не даю, но совсем по другой причине: просто голос надо беречь. Особенно если собираешься петь на Красной площади.